

ЕЛЕНА ЧИРКОВА

ОТ
ЗОЛОТОГО
ТЕЛЬЦА

ДО
«ЗОЛОТОГО
ТЕЛЁНКА»

*Что мы знаем о литературе
из экономики и об экономике
из литературы*

Corpus

Елена Владимировна Чиркова
От золотого тельца до
«Золотого тельца». Что
мы знаем о литературе
из экономики и об
экономике из литературы

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36083747

*Елена Чиркова От золотого тельца до «Золотого тельца». Что мы
знаем о литературе из экономики и об экономике из литературы:*

ISBN 978-5-17-108970-2

Аннотация

Стремление к богатству или неспособность справиться с финансовыми проблемами гораздо чаще, чем принято думать, становятся двигателем сюжета, определяют поведение и характеры героев Шекспира и Достоевского, Гете и Стейнбека, Диккенса и Ремарка. Прибыль, кредит, инфляция в великих романах нередко играют на равных с любовью и ненавистью, честью и мужеством. Об этом рассказывает в своей книге Елена Чиркова, предлагая взглянуть на литературу с точки зрения ее экономического содержания. Елена Чиркова –

доцент Школы финансов факультета экономических наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа
экономики».

Содержание

Введение	6
Глава первая	19
Глава вторая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Елена Чиркова
От золотого тельца до
«Золотого теленка»

Что мы знаем о литературе
из экономики и об
экономике из литературы

© Е. Чиркова, 2018

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет,
2018

© ООО «Издательство Аст», 2018

Издательство CORPUS ®

* * *

Введение

Несколько слов о гармонии экономики и эстетики

Порой в романе можно обнаружить такое потрясающее описание экономических реалий и процессов, какого не встретишь и в научном тексте. Художественно-экономические книги – назовем их так – я бы поделила на три разряда. Первый – это книги-аллегии, в которых современный читатель без специальных знаний экономическое содержание никогда не выцепит, если ему не подсказать. Например, «Путешествия Гулливера» (1726–1727) – это рассказ о Войне за испанское наследство между Англией и Испанией в начале XVIII века.

А, скажем, «Удивительный волшебник из страны Оз» Фрэнка Баума (1900), тот самый, что переписан в виде «Волшебника Изумрудного города» нашим Александром Волковым, представляет собой спор в аллегорической форме о том, какой денежный стандарт лучше: золотой или двойной, когда обращаются и золото, и серебро, – последний еще называют биметаллическим. Во второй половине XIX века американский доллар обеспечивался только золотом, что делало его очень сильным. Упрощенно говоря, укрепляющаяся валюта выгодна кредиторам, так как кредит не обесцени-

вается, но не выгодно заемщикам, так как занятое отдавать тяжело. «Народные» политики (тогда в США существовала Народная партия) ратовали за переход с золотого стандарта на двойной. Под дополнительное серебряное обеспечение предлагалось эмитировать новые бумажные деньги. Доллар бы чуть-чуть ослаб, но не обесценился резко, а фермерам – основным заемщикам в стране – стало бы легче.

Небогатый южанин Баум выразил эту идеологию в книге «Удивительный волшебник из страны Оз», которая писалась как детская сказка, но была напигована прозрачными для того времени намеками, понятными, правда, только взрослым. Желтая дорога – это золотое обеспечение доллара. Изумрудный город (зеленый, цвета купюры) – собственно деньги, способные реализовать любые мечты. Глупый Страшила – простодушные фермеры; Железный Дровосек, не имеющий сердца, – города с их промышленностью; Трусливый Лев – вожди Народной партии; маленький народец жевуны – несчастный рабочий класс; злая колдунья – олицетворение корыстных интересов бизнеса; а всемогущий волшебник, он же великий обманщик, – это президент США.

Потом выясняется, что Страшила отнюдь не дурак, Дровосек умеет любить, а Лев храбр как лев. И Изумрудный город – доллар – совсем не волшебен, это люди сами его таким считают, разглядывая сквозь зеленые очки. А городом заправляет не всемогущий волшебник, а обычный человек, но, поскольку от него ждут чудес, он вынужден надувать ще-

ки и делать загадочные движения руками. Чтобы исправить положение, автор предлагает ввести в обращение серебро, которое зашифровано в сказке как серебряные башмачки¹.

На практике идея двойного стандарта не была реализована, но доллар удалось все же несколько ослабить. Приток в казну желтого металла с вновь открытых месторождений золота в Калифорнии и на Аляске позволил нарастить обеспеченную им денежную массу. Экономическое содержание сказки вскоре забылось, и в первой голливудской экранизации Дороти (у Волкова – Элли) носит уже рубиновые башмачки, ибо фильм был цветной и режиссер решил, что рубиновые будут эффектнее. И лишь доллар по-прежнему зеленый, хотя очки, приукрашивающие действительность, теперь называют розовыми.

* * *

Второй тип художественно-экономических текстов – когда автор стремится донести до читателя свои социальные взгляды, никак их не маскируя, а излагая в лоб, без трудночитаемых аллегорий, хотя действие книги может происходить и в вымышленном мире. Типичными примерами книг, где излагаются социальные воззрения, являются, например,

¹ Эти сведения приведены, например, в книге: Везерфорд Д. *История денег. Борьба за деньги от песчаника до киберпространства*. М.: Терра – Книжный клуб, 2001.

утопии XVI–XVII веков: «Утопия» англичанина Томаса Мора (по заглавию этой книги стал называться и сам жанр) и «Город Солнца» итальянца Томмазо Кампанеллы.

Что-то похожее попытался сотворить и советский детский писатель Николай Носов в своей политизированной сказке «Незнайка на Луне» (1965). Мир земных коротышек, где родился Незнайка, – положительных героев, которые, видимо, скоро будут жить при коммунизме, – списан с города Солнца Кампанеллы. У Носова один из земных городов даже назван Солнечным. На Луне (населенной, естественно, лунными коротышками), куда судьба забрасывает Незнайку, – классический мир товарно-денежных отношений, узаконенная частная собственность и свобода предпринимательства, а мерило ценности человека – его капитал. «Образ врага» подан гротескно.

Но книжка не так проста, как кажется на первый взгляд. Среди земных коротышек, у которых нет материальных стимулов к труду, полно тунеядцев: Пончик, Гунька, да и сам Незнайка, а лидер коротышек Знайка явно страдает диктаторскими замашками. Лунные коротышки – трудяги, ибо им есть к чему стремиться. В довершение всего победа коммунизма над капитализмом достигается только фантастическим путем, при помощи использования «новых технологий»: земным коротышкам удастся разрешить проблему редкости экономических благ за счет резкого увеличения производительности всех отраслей промышленности в резуль-

тате использования невесомости и внедрения в агротехнику гигантских земных растений. Было ли это намеком на то, что «победа по очкам» невозможна?

Из этой же серии роман французских писателей Веркора и Коронеля «Квота, или Сторонники изобилия» (1966). В книге в сатирическом ключе обыгрывается кейнсианский метод повышения благосостояния народа за счет стимулирования спроса и критикуется общество потребления. В Тагуальпу – «небольшую североамериканскую республику, лежащую между Соединенными Штатами и Мексикой», прибывает мастер продаж Квота. Его методы продаж внедряются повсюду, затем додумываются до того, чтобы увязывать зарплату рабочих и сотрудников с тем, сколько товара они покупают, в результате общество начинает жить гораздо богаче. Только нужно ли это богатство, если у рабочих теперь по несколько телевизоров и машин? Внезапно оно утомляет людей, начинают гоняться за старыми, более добротными вещами, «к которым привязывались, как к доброму коню или верному слуге», и эта мода распространяется с быстротой эпидемии гриппа. Цены на старые автомобили достигают фантастических высот. Такое поведение потребителя – подрыв благосостояния, а власти о нем пекутся: «Были изда ны строгие законы, чтобы в корне пресечь эту опасную моду. Для нарушителей устанавливалась возрастающая шкала наказания, начиная с небольшого штрафа и кончая заключением в тюрьмах для рецидивистов, а для упорных спекулян-

тов – даже каторжные работы». Грань между экономическим принуждением и тоталитаризмом тонка.

В предисловии к роману авторы рассказывают историю его создания. Замысел пришел к одному из них в 1939 году. Коронель, работая в крупной фирме в США, узнает о новом методе продажи автомашин: самого нерешительного покупателя чуть ли не с помощью гипноза заставляли сделать покупку. Уже после войны по заказу нью-йоркского издателя Веркор и Коронель пишут роман: издатель уверяет, что «такой роман жизненно необходим американскому читателю».

* * *

И наконец, третий тип книг с экономическим содержанием. Это собственно художественные произведения, а не замуфлированные трактаты. Просто их авторы умеют наблюдать экономическую жизнь общества, ухватывают финансовые коллизии и наделены даром отразить это в художественном тексте, да так, что порой и у экономистов лучших описаний существа дела не найдешь. А еще экономическими бывают сказки!

В эссе «Библиотека всемирной литературы» (1927) великий немецкий писатель Герман Гессе писал о том, что бы он подумал о владельце «идеальной» библиотеки, в которой по два романа Бальзака и Диккенса, если бы такового встретил: «Довольно неплохое собрание, сплошь проверенные вещи,

но разве нет у владельца никаких увлечений, предпочтений, пристрастий, разве в сердце его нет ничего, кроме нескольких книг по истории литературы? Если у него, к примеру, есть лишь по два романа Диккенса или Бальзака, то, значит, ему их навязали. Если бы он выбирал действительно лично и свободно, то он или любил бы обоих авторов и имел бы как можно больше книг того и другого, или предпочел бы одного из них, куда бы больше, к примеру, любил милого, доброго, прелестного Диккенса, чем грубоватого Бальзака, или, напротив, любил бы Бальзака, хотел бы иметь все его книги и выбросил бы из библиотеки слишком сентиментальные, слишком добродетельные, слишком обывательские книги Диккенса».

Как экономист я отношусь как раз к первому разряду людей – люблю того и другого, ибо оба они прекрасно описывают экономические явления. И об их текстах мы здесь и будем говорить подробно.

Еще Шекспир предупреждал, что для притока денег в страну надобно иметь благоприятный климат – инвестиционный, конечно же. Эптон Синклер разложил по полочкам способы обмана миноритарных акционеров начала XX века, с успехом используемые и в наше время. Теодор Драйзер рассказал, как на связях с государственными органами делаются олигархические состояния. Петр Боборыкин увидел и представил в романе «Китай-город» зарождавшийся в конце XIX века слой «новых русских» практически в малиновых

пиджаках. Островский живописал последствия жизни в кредит, а Чехов в «Вишневом саде» и вовсе показал подноготную современного ипотечного кризиса.

В некоторых книгах можно найти лишь отдельные приметы экономики описанного времени, но и они крайне ценны. «Крестьяне забросили плуги, оделись в шелка, их прежде мозолистые руки стали мягкими», – пишет Сервантес в «Дон Кихоте» (1613). Это отражение «ресурсного проклятия», обрушившегося на Испанию после завоевания Латинской Америки в 1520–1530-х годах. На страну посыпался золотой и серебряный дождь: в XVI веке из Нового Света в Испанию было переправлено столько золота и серебра, что в конце столетия запас этих металлов превысил уровень 1492 года в пять раз. Страна практически перестала производить что-либо сама: пять шестых всего объема грузов, отправлявшихся из Испании в ее американские колонии, – это товары иностранного происхождения. Почти весь золотой запас тратился на покупку во Франции предметов роскоши. Франция как их производитель поднимается именно за счет испанского спроса (и сохраняет это место в мировом разделении труда по сей день). Что касается испанцев, то после 1610 года резко идет на убыль золотой, а после 1630-го и серебряный поток. Страна теряет и господство на море – оно переходит к голландцам, а затем к англичанам. В экономическом отношении Испания оказывается европейским аутсайдером.

Жизнь героини повести Гоголя «Старосветские помещи-

ки» (1835) помещицы Пульхерии Ивановны состоит «в беспрестанном отпирании и запираании кладовой, в солении, сушении, варении бесчисленного множества фруктов и растений». «Ее дом был совершенно похож на химическую лабораторию. Под яблонею вечно был разложен огонь, и никогда почти не снимался с железного треножника котел или медный таз с вареньем, желе, пастилою, деланными на меду, на сахаре и не помню еще на чем. Под другим деревом кучер вечно перегонял в медном лембике водку на персиковые листья, на черемуховый цвет, на золототысячник, на вишневые косточки... Всей этой дряни наваривалось, насоливалось, насушивалось такое множество, что, вероятно, она потопила бы наконец весь двор...» Почти все необходимое производится внутри имения, на базар помещики ездят крайне редко. Это описание натурального хозяйства – и отсталости экономики Российской империи в первой трети XIX века, задущенной крепостным правом.

А помните, как начинается «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1886) Роберта Льюиса Стивенсона? Некий мужчина сшиб на улице девочку лет девяти, хладнокровно наступил на нее, упавшую, и даже не обернулся на ее громкие стоны. Разъяренная толпа «выбила» из «самого Сатаны» 100 фунтов². Он дошел до какого-то дома, вынес 10 гиней³ и чек на «банк Кутса»⁴, выданный на предъяви-

² 11 800 фунтов на нынешние деньги.

³ Гиней была чуть дороже фунта.

теля и подписанный известными именем, на остальную сумму. Все это происходит в четыре утра. Тут же возникло подозрение, что чек – фальшивка и нужен, чтобы скрыться, пока банки закрыты, но виновник происшествия – а это был, разумеется, мистер Хайд – предложил дожждаться утра и лично обналичить чек. К удивлению рассказчика, свидетеля происшествия, чек оказался самым настоящим. Чек на предъявителя здесь не случаен, ведь Хайд скрывает свою личность (у него даже фамилия говорящая: от английского hide – скрывать). Чуть позднее, будучи в Англии, чеками воспользуется граф Дракула в «Дракуле» (1897) Брема Стокера. Стокер и Стивенсон рассказывают нам, что в последней трети XIX века англичане обзавелись чековыми книжками: это удобно и им, и банкам⁵.

Если поглубже вникнуть в цифры, приводимые Томасом Манном в «Будденброках» (1896–1900), то можно подсчитать среднюю доходность капитала семейной фирмы Будден-

⁴ Респектабельный банк, услугами которого пользовалась сама королева.

⁵ Подробно экономическое содержание романов Стивенсона и Стокера – правда, с фрейдистских позиций – разбирается в книге: Houston G. *From Dickens to Dracula*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Кстати, Гейл Хьюстон считает, что «Дракула» – морализаторский (это слово мое. – Прим. Е. Ч.) экономический роман. В нем показано, как умный Дракула, который понял, что деньги в виде золота, если они лежат мертвым грузом в подвале замка, а не участвуют в обороте, ничего не производят, подался в Англию, где можно было активно участвовать в экономической жизни. Чем Дракула и занялся, скупая дома. В этом смысле роман Стокера можно отнести к тому же типу книг, что и «Удивительный волшебник из страны Оз».

бровок, которая с учетом потерь в отдельные годы окажется не так уж велика даже в лучшие времена. Это заставит задуматься, так ли уж неправ второй муж Тони Будденброк – господин Перманедер, который, женившись на Тони, изъяс свой капитал из мюнхенской пивоварни и вложил в арендную недвижимость (доходность которой тоже можно подсчитать). А ведь тот факт, что Перманедер не деятелен и предпочитает жизнь рантье, – одна из претензий Тони к мужу, которые и вынуждают ее с ним расстаться. Дело, кажется, не в процентах. Быть предпринимателем – престижно и модно, это вызывает уважение, а лежать на боку (в романе – пропадать в пивном заведении каждый вечер) и снимать сливки с капитала, ничего не делая, – нет.

* * *

Разумеется, ни Сервантес, ни Стивенсон, ни Чехов не задумывались об «экономическом содержании» своих произведений – для них оно было неотъемлемой частью, одним из слоев той жизни, о которой они писали в своих романах, рассказах, пьесах.

Читатели иногда морщатся, встречая в великих книгах рассуждения о ставках по кредиту, облигациях или долговых расписках, которые так контрастируют с тонкими лирическими зарисовками или описаниями душевных переживаний героя, спешащего с топором под пальто на свидание со

старухой-процентщицей.

Но я убеждена, что внимание к этим деталям не только углубляет наше понимание образов Растиньяка или Раскольникова, но и делает по-настоящему полноценным эстетическое наслаждение, которое мы получаем от погружения в многослойный мир литературы.

Напоследок скажу, что я собирала для этой книги материал много лет. Составление одного только списка художественных произведений – огромная работа. Какие-то тексты очевидны, какие-то подсказали филологи, на что-то указали в своих работах те западные ученые, кто занимается новым научным направлением: экономической критикой художественных текстов – довольно много отсылок к художественной литературе попались мне и в сугубо экономических работах. Эта книга – моя третья попытка высказаться на тему экономического содержания художественных произведений. Первой была «История капитала от „Синдбада-морехода“ до „Вишневого сада“». Экономический путеводитель по мировой литературе», вышедшая в 2011 году. Затем главы этой книги превратились в серию статей в журнале «Коммерсантъ-Деньги». Новая версия книги объединяет все лучшее из предыдущей книги и статей. И она существенно объемнее: добавились как новые художественные тексты, так и новые экономические комментарии. Насколько мне известно, на сегодняшний день моя книга охватывает самый широкий круг литературных источников по сравнению с книга-

ми подобного жанра. Но я нескромно надеюсь, что читатель оценит ее не только за это.

Глава первая

«Не счесть жемчужин в море полуденном»

Экономический трактат

«Тысяча и одна ночь»

«Сказка ложь, да в ней намек...» – утверждает русская пословица. И не только намек. Например, из сказок можно много чего почерпнуть об экономической жизни общества. «Тысяча и одна ночь» в этом отношении – настоящая библия. На нее как на источник информации о средневековой торговле ссылается, например, выдающийся французский историк материальной цивилизации Фернан Бродель в «Играх обмена» – одной из книг своего фундаментального трехтомника «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» (1979).

Большинство исследователей сходится в том, что у «Арабских ночей» коллективный автор, самые ранние сказки были созданы в Персии и Индии и переведены на арабский в VIII веке, постепенно к ним добавлялись новые и новые истории, уже местного происхождения. Первое упоминание современного названия книги на арабском относится к XII веку, а дописывание ее продолжалось вплоть до XVII

столетия, когда сказки начали переводиться на европейские языки.

Действие рассказов Шехерезады по большей части происходит в двух важных центрах средневекового арабского мира – в Багдаде и его порту-сателлите Басра в конце VIII – начале IX века, во время правления халифа Гаруна-аль-Рашида, и в Каире и его порту Александрия в более позднее время.

В VIII–XII веках от Пиренеев до истоков Инда – на территории арабского халифата Аббасидов – существовало единое экономическое пространство, сохранившееся и после распада халифата в X веке. Ибн Баттута, арабский путешественник и странствующий купец родом из Магриба, объездивший всю Азию и Африку (правда, на несколько веков позже), с удивлением констатировал, например, что на западном и восточном полюсах Арабского Востока базары даже выглядят одинаково.

Путешествия вроде того, какое совершил Баттута, были в порядке вещей. Дервиш-оборотень, который в сказке «Аладдин и волшебная лампа» охотится за лампой, прибыл в Персию, где живет Аладдин, аж из Магриба, а это 5 тыс. км – месяца три пути!

* * *

В «сказочные» времена арабами были монополизировали экономические связи между производящим Востоком (Ин-

дий, Китаем) и потреблявшей Европой, напрямую с которой торговала только граничившая с нею Византия. Арабские купцы плавали на Восток до Цейлона уже в I веке до н. э., а к VI веку н. э. установили фактическую монополию на торговлю с Китаем. Сделали это малой кровью – просто европейцы надежного способа добраться в Китай пока не нашли. Эти 10 тыс. км были самым длинным морским торговым путем в мире – неким морским аналогом Великого шелкового. Он занимал около 120 дней. Умножьте это на два и добавьте месяц-другой на сбыт товара в Китае и тамошние закупки – типичная экспедиция на Восток могла занимать почти год. Арабская монополия в мировой торговле сделала Багдад самым важным коммерческим центром в мире.

«Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи, ни черных соболей сибирских, ни ожерелья бурмицкого, ни венца самоцветного, ни тувалета хрустального, а привези ты мне аленький цветочек...» – просит купца младшая дочь в сказке Сергея Аксакова. Все перечисленное, кроме цветочка, – предметы роскоши. Арабы везли золото, слоновую кость, алмазы из Индии, шелк и фарфор – из Китая, и это тоже предметы роскоши. Почему же морская торговля сосредоточилась именно на них?

Существенным ограничением ассортимента товаров являлся тоннаж средневековых судов. Согласно исследованиям известного историка Жака Ле Гоффа, даже в XIV веке общий тоннаж венецианского флота не превышал 40 тыс. тонн,

то есть был в семь-восемь раз меньше вместимости одного современного нефтяного супертанкера. Кроме того, затраты на транспортировку товаров были очень велики, а риски торговых экспедиций – колоссальными. Длительные путешествия означали медленную оборачиваемость капитала и необходимость надолго замораживать большие суммы. Все это должно было окупаться за счет накруток⁶, а большую наценку на стоимость товаров первой необходимости не сделаешь.

А откуда спрос? Почему в Средневековье в жарких арабских странах покупали северные меха, а в холодной Европе – китайский шелк? Потому что это статусные товары, наличие которых у владельца подчеркивало его высокое социальное положение. Крупнейшими потребителями шелковых тканей и других предметов роскоши с Востока были европейские королевские дворы и католическая церковь.

Производилась же роскошь в Азии. В IX–XIII веках страны Европы, за исключением Византии и мусульманской Испании, служивших мостами между Западом и Востоком, были периферией цивилизованного мира. Экономическая мощь – на стороне Востока. Согласно подсчетам британского экономиста Ангуса Мэдисона, в 1000 году в Западной Европе ВВП на душу населения составлял около 90 % от уровня

⁶ Чтобы получить 100 % годовых на капитал, который оборачивается за год 10 раз, на одном цикле достаточно зарабатывать 10 %, а если он за год оборачивается только раз – в 10 раз больше.

Азии (без учета Японии), но доля Европы в мировом валовом продукте составляла всего около 9 %, а Азии – примерно 68 %.

Арабское доминирование в морской торговле растянется на 500 лет. В XIII веке Китай оккупируют монголы, которые не придумают ничего лучше, чем поднять портовые сборы для заходящих кораблей. Восточная торговля замрет, арабские купцы начнут встречаться с китайскими на нейтральных территориях – на Цейлоне или в Малайзии. А в 1448 году португальский мореплаватель Васко да Гама обогнет мыс Доброй Надежды и обнаружит путь из Европы в Индию. Он высадится на территории современного штата Гоа, захватит арабские суда и безжалостно расправится с пленниками – покажет, «кто теперь кто». Так наступит конец господству арабов в торговле между Востоком и Западом, но это случится несколько веков спустя.

* * *

Мы можем многое узнать о том, что составляло предмет заморской торговли, которую вели арабы, по описаниям городских рынков в «Тысяче и одной ночи»⁷. В медном городе («Повесть о медном городе») их пять. На главный город-

⁷ Более подробный анализ описания базаров в этой книге см.: Özveren E. *Bazaars of the Thousand and One Nights* // *The European Journal of the History of Economic Thought*. 2007. V. 14. № 4. P. 629–655.

ской ходят местные за снедью; на рынке менял конвертирующую валюту – меняльные лавки полны золота и серебра; есть еще три специализированных оптовых: на рынке драгоценных камней продаются жемчуга и яхонты, на шелковом – «разноцветные шелка и парча, затканная червонным золотом и белым серебром», на рынке москательщиков – благовония (мускус, амбра, алоэ, камфара).

В мусульманских странах крупной отраслью торговли была торговля рабами из Европы, Индии и особенно из Африки. О размахе работорговли свидетельствует сообщение арабского географа IX века аль-Истахри: один персидский купец во время летнего рейса в 936 году привез из Африки 12 тыс. рабов. Важнейшим каналом поставки рабов были караванные пути от побережья Средиземного моря через Сахару вглубь Африки. По современным оценкам, африканские государства Гана, Мали и др. с X и вплоть до XIX века отправляли с караванами до 7 тыс. рабов ежегодно.

Белые рабы поступали из крупных западноевропейских перевалочных пунктов, которыми в IX–XI веках служили Магдебург, Мекленбург, Прага, шведская Бирка, остров Готланд в Балтийском море, Хедебю (Дания) и Марсель, специализировавшийся на торговле невольниками из Англии.

Славяне и рабы других народностей, обитавших на территориях, которые впоследствии вошли в СССР, в основном «экспортировались» через Хазарский каганат в низовьях Волги. Посредниками служили сначала варяги, затем

венецианские купцы.

Большая часть африканских рабов сбывалась на рынках Александрии, Кайрувана (Тунис) и Тлемсена (Алжир). По свидетельству персидского писателя Низами Арузи Самарканди, в афганском городе Балх в XII веке существовала целая улица торговцев рабами.

В «Тысяче и одной ночи» невольничьи рынки встречаются повсюду. В «Рассказе о двух визирях и Анис-аль-Джанлис», когда на рынок «сошлись все купцы», он «наполнился невольницами всех родов: из турчанок, франкских девушек, черкешенок, абиссинок, нубиянок, текрурок, гречанок, татарок, грузинок и других». В «Сказке о Нур-ад-Дине и Мариам-кушачнице» продают рабыню из франков, дочь «эмира» европейского города, предположительно Марселя. За «гейшу» просят 10 тыс. динаров – стоимость 40-килограммового золотого слитка, и ее владелец клянется, что эти деньги «не покроют стоимости цыплят, которых она съела, и напитков, и одежд, которыми она наградила своих учителей, так как она изучила чистописание, и грамматику, и язык, и толкование Корана, и основы законовещения и религии, и врачевание, и времяисчисление, и игру на увеселяющих инструментах». В «Сказке о рыбаке Халифе» простая рабыня стоит 100 динаров, красивая – 1000, а цена сведущей во всех науках, искусствах и ремеслах тоже доходит до 10 тыс.

Диковинные подробности семи странствий Синдбада-морехода заимствованы составителем «Тысячи и одной ночи»

из различных арабских «дорожников» IX–XIII веков. Сказка сообщает нам, куда плавали багдадские купцы и чем торговали. Так, во втором плавании Синдбад оказывается на острове, земля которого «из камня алмаза», и речь, по всей видимости, идет о знаменитой цейлонской «долине алмазов». Из этого же путешествия он привозит камфару и носорожью кость. В реальном мире камфарным маслом и костью, правда слоновой, можно было разжиться у индийских купцов. Из следующего путешествия герой возвращается с большим количеством «разных ожерелий, драгоценных камней, жемчужных цепочек и украшений из серебра и золота, отделанных разными металлами и редкостями». В шестом отважный мореплаватель снова раздобывает драгоценные камни и амбру в придачу.

В пятом путешествии Синдбад грузится на корабль, который проходит мимо нескольких островов – на одном произрастают корица и перец – и прибывает к «жемчужным ловлям», и там Синдбад выменивает жемчуга. Жемчужный промысел – скорее всего, в Индии, где добыча жемчуга велась организовано, в ней было задействовано несколько десятков тысяч ныряльщиков: «не счесть жемчужин в море полуденном» – это из арии индийского гостя в опере Римского-Корсакова «Садко» о странствованиях русского купца. Остров специй – возможно, Занзибар, который арабские купцы регулярно посещали с I-го тысячелетия н. э., используя для передвижения по Индийскому океану муссоны, и где

уже в X веке возникло городское поселение с каменными строениями, в котором купцы начали селиться – остров был удобен как промежуточная торговая база.

В последнем, седьмом путешествии Синдбад прибывает в «город Китай», а там корабль настигают порывистый ветер и сильный дождь. Капитан в страхе, он развязывает мешок из хлопчатой бумаги, высыпает оттуда белый порошок, смачивает водой и нюхает, чтобы прийти в себя. Наркотики действительно в те времена производили в Китае!

* * *

Кроме географии плаваний и «товарной номенклатуры» «Синдбад-мореход» прекрасно описывает экономику заморской торговли тех времен: колоссальный риск и соответствующая ему высокая рентабельность операций. Основные риски «заморской торговли» были таковы: судно могло попасть в шторм и разбиться о скалы, сесть на мель, быть атаковано морскими пиратами (в те времена и в тех краях это были в основном вьетнамцы), сбиться с пути, а люди – погибнуть без воды и пищи. Выкосить людей могла и эпидемия. Товар мог испортиться, его могло смыть за борт во время шторма.

В сказке Синдбад сталкивается практически со всеми известными рисками морской торговли. В каждом плавании с мореходом и его «коллегами по цеху» случается какая-то напасть: то товар теряется, то обезьяноподобные люди напада-

ют и отбирают все, то купцы гибнут «от боли в животе из-за морской воды», то корабль мотает так, что он «видит дно», то ветер разбивает судно о скалы. А купец – герой «Повести о царе Омаре ибн ан-Нумане», – возвращаясь из Индии в Багдад, подвергается нападениям курдов.

О доходности, которую приносили вояжи Синдбада, можно судить по его загулам после странствий и по приросту его капитала. Стартовый составил всего «три тысячи дирхемов», или 300 динаров, стоимость трех плохоньких рабынь. Рентабельность торговли такова, что, вернувшись в Багдад из первой «ходки», Синдбад покупает себе «слуг, прислужников, невольников, рабынь и рабов», накупает «домов, земель и поместий», сорит деньгами направо и налево – «развлекается наслаждениями и радостями, и прекрасной едой, и дорогими напитками». Возвратившись в родной город из второго путешествия, Синдбад опять принимается кутить: «раздавать милостыню, дарить и оделять, делать подарки всем своим родным и друзьям и начинает хорошо есть, и хорошо пить и одеваться в красивые одежды». В третьем походе успешный коммерсант «нажил столько денег, что их не счесть и не исчислить». После шестого мирового турне Синдбад едет в Багдад, преподносит дары халифу, а тот оказывает ему «великое уважение». К этому времени он уже снаряжает собственные корабли.

Купцы постоянно в движении. В «Повести о царе Омаре ибн ан-Нумане» один из них «уже около двадцати лет как

углубился в чужие страны». Очень длительными были и путешествия Синдбада, последнее заняло аж 27 лет, правда, герой успел жениться и пожить на чужбине. Это тоже может быть правдой.

Аль-Истахри сообщает, что жители Сирафа (прибрежные районы Омана, откуда стартовали многие экспедиции на Восток) и побережья предпринимают морские путешествия, и среди путешественников есть такие, кто проводит время своей жизни на корабле: «Один житель Сирафа так привык к морю, что около 40 лет не спускался с корабля. Всякий раз, как он приближался к суше, он заставлял своих сотоварищей сходить на землю, дабы выполнить его дела в следующем городе. Если на судне обнаруживались щели и трещины и оно нуждалось в починке, тогда он переходил с того судна на другое». Именно непрерывным движением аль-Истархи объясняет богатство купцов – «состояние иного достигает четырех миллионов динаров».

* * *

Купечество – это привилегированный слой. Когда в одной из сказок Маруф-башмачник переезжает из Каира в другой город, где его никто не знает, и превращается в купца, он одалживает крупные суммы в ожидании каравана, который якобы должен прийти вслед за ним. Деньги эти столь велики, что местные охотно верят, будто Маруф – богач похлеще

самого местного царя, хотя никаких доказательств этому нет и все его впервые видят. Маруфа разоблачают так: одолженное он раздает как милостыню, а купцы, по мнению местных, не бывают щедрыми, «у них ткани годами лежат, купцы выжидают, чтобы продать их с прибылью». Действительно, в седьмом путешествии Синдбада шейх, зазывающий его на рынок, чтобы продать лодку морехода из сандалового дерева – последнее, что у него осталось после всех перипетий странствия, обещает, что, если лодка не принесет того, чем бы Синдбад был доволен, он будет держать ее в своей кладовой «до тех пор, пока не придут дни для купли и продажи».

В сказках описано и то, как на рынках торгуются за уникальный товар. Зачастую это аукцион, который организует местный зазывала. Через аукционные торги продаются все невольники и невольницы. Таким способом Синдбад и продает свою лодку – сходятся купцы и начинают набавлять за нее цену, а потом «перестают набавлять». В этот момент на авансцене появляется шейх, заявляет, что «такова цена твоего товара в дни, подобные этим», и интересуется, продаст ли Синдбад лодку сейчас или станет ждать, пока не придет «время увеличения ее цены». Синдбад оставляет решение за старцем. Тогда шейх предлагает ему 100 динар золотом сверх того, что дали за лодку купцы: оказывается, шейх сам хотел лодку, а аукцион был нужен, чтобы показать, что он не собирался обманывать гостя и готов был платить рыночную цену.

Из рассказов Шехерезады видно, что на Арабском Востоке были развиты финансовые инструменты, обслуживающие торговлю. Начинаящим купцам, если они представляются честными людьми (а это зачастую определяется по репутации отца), охотно дают займы не только родственники, но и чужие люди, даже без процентов. Рабыню можно купить в рассрочку. Циркулируют векселя, правда, они могут оказаться необеспеченными. В «Рассказе о двух визирях...» продающего рабыню предупреждают, что покупатель собирается «кинуть» его при помощи такого векселя: он «напишет тебе бумажку с переводом на кого-нибудь из своих управителей, а потом пошлет к ним, вслед за тобою, человека, который им скажет: „Не давайте ему ничего“. И всякий раз, как ты пойдешь искать с них, они станут говорить тебе: „Сейчас мы тебе отдадим“, – и будут поступать с тобою таким образом один день за другим... Когда же им наскучат твои требования, они скажут: „Покажи нам бумажку“, – и возьмут ее у тебя и порвут».

Еще в арабских сказках находим поддержку идеи о том, что арабское доминирование в торговле привело к упадку кустарной промышленности в самом халифате: арабы служили посредниками между Востоком и Западом, не экспортируя практически ничего собственного изготовления.

Эффект умирания одних отраслей экономики из-за сверхприбыльности других экономисты называют ресурсным проклятием. Считается, что от него пострадали Пор-

тугалия и Испания во время их господства на море в XV–XVI веках, современный Афганистан, где выращивание мака привело к тому, что перестали сеять пшеницу. Многие думают, что оно есть и у современной России: рентабельная нефтедобыча убивает необходимость в развитии других секторов экономики.

Чем заняты герои «Тысячи и одной ночи», кто они по должности или профессии? Полно эмиров, халифов, царей и визирей, их слуг, еврейских менял, арабских и персидских купцов – каждый немного купец. Тучи невольников и невольниц. Есть врачи, портные, цирюльники и один уборщик на скотобойне («Рассказ о чистильщике и женщине») – эти, выражаясь современным языком, заняты в секторе услуг, а услуги не являются предметом экспорта-импорта. Если встречается ювелир, то это хозяин ювелирной лавки. Из занимающихся «производством» попались рыбак (в «Сказке о рыбаке Халифе»), но ловля рыбы – это еще не ремесло, а промысел, да и рыба только для местного рынка; кузнец («Рассказ о кузнеце»), о котором сообщается одно – когда он «кладет руку в огонь», чтобы взять кусок раскаленного железа, «огонь не переходит на его руку»; и один башмачник, который лишь починял обувь, то есть работал в сфере услуг, да и то быстро надоело ему это дело, и он тоже заделался купцом. Где же кустари-ремесленники? Может, сказителям они неинтересны? Нет, просто все производство в те времена было сосредоточено в Византии, Индии и Китае.

С утратой доминирования в восточной торговле в арабском мире наступил экономический упадок. Примерно такой, как описывает Пушкин в «Путешествии в Арзрум» (1829): «Не знаю выражения, которое было бы бессмысленнее слов: азиатская роскошь. Эта поговорка, вероятно, родилась во время крестовых походов, когда бедные рыцари, оставя голые стены и дубовые стулья своих замков, увидели в первый раз красные диваны, пестрые ковры и кинжалы с цветными камушками на рукояти. Ныне можно сказать: азиатская бедность, азиатское свинство и проч., но роскошь есть, конечно, принадлежность Европы. В Арзруме ни за какие деньги нельзя купить того, что вы найдете в мелочной лавке первого уездного городка Псковской губернии».

Глава вторая

«Я в плен попал, и в рабство продан был...»

Работорговля в мировой литературе

В комедии Грибоедова «Горе от ума» свояченица Фамусова старуха Хлестова держит в служанках девочку-арапку. Она привечает Антона Антоновича Загорецкого – того самого, кто способствовал распространению слуха о помешательстве Чацкого, «лгунишку», «картежника» и «вора», – за умение раздобыть любую диковину, Хлестовой и ее сестре он «двух арапченков на ярмарке достал». В те годы богатые бары для забавы обзаводились дорогим ценившимися людьми черной расы. Традиция старая и не только российская.

В «Арапе Петра Великого» Пушкина описана судьба прадеда поэта, африканца Ибрагима Ганнибала, который был пленен турками, попал в султанский сераль⁸ в 1705 году и годом позже был освобожден и привезен в Москву дипломатом Саввой Рагузинским, выполнявшим, кроме прочего, поручение Петра I по доставке в Россию из Турции мальчиков-арапов. Ганнибал был подарен Петру.

У Пушкина арапчонок, родившийся «под пятнадцатым

⁸ Сераль – дворец правителя в мусульманских странах.

градусом»⁹, «роду не простого»: он «сын арапского салтана», которого взяли в плен «басурмане», «в Цареграде» (Константинополе) продали, «а посланник выручил». Впоследствии «старший брат арапа приезжал в Россию с знатным выкупом».

Шекспировский Отелло, мавр на службе у Венецианской республики, правитель Кипра, получивший, как он уверяет, «жизнь и бытие от людей царского рода», – беглый раб. Однажды он «в плен попал, и в рабство продан был, и спасся из неволи». Когда при подстрекательстве Яго он совершает свое страшное преступление, его снимают с должности наместника на Кипре и тут же вспоминают, кем он был когда-то:

Что до раба
До этого, он будет предан казни,
Какую только можно изобрести,
Чтоб долго мучить и убить не скоро.

Дюма-отец в «Графе Монте-Кристо» подчеркивает статус главного героя не только его неисчерпаемыми богатствами, но и наличием невольницы, ведь «во Франции – это положение». Монте-Кристо утверждает, что однажды просто «проходил по константинопольскому базару и купил ее» – принцессу Гайде Тебелин, дочь преданного и убитого правителя

⁹ Эта широта пересекает современные Сенегал, Мавританию, Нигер, Чад, Судан, Эфиопию.

Янины¹⁰.

Рассказ графа вполне правдоподобен. В 1869 году Марк Твен опубликовал книгу путевых заметок «Простаки за границей», в основу которой легли его впечатления от Европы, Северной Африки и Ближнего Востока. Он уверяет, что в Турции существуют невольничьи рынки: «черкесы и грузины все еще продают в Константинополе своих дочерей». Правда, если раньше «молоденьких девушек раздевали у всех на глазах и осматривали и обсуждали, словно лошадей на ярмарке», то «теперь и выставка товара и сделки происходят тайно, частным образом». Цены высокие «отчасти потому, что спрос увеличился в связи с недавним возвращением султана и его свиты от европейских дворов...»

Хайле Селассие, последний император Эфиопии, в своих мемуарах сообщает, что он запретил работорговлю, как только пришел к власти. Значит, она существовала во время экспедиций в Абиссинию (старое название Эфиопии) Николая Гумилева, посетившего ее трижды в 1909–1913 годах, ведь Селассие стал императором только в 1930-м. И значит, гумилевское стихотворение «Невольничья» из сборника «Чужое небо» 1912 года могло быть, как говорится, навеяно впе-

¹⁰ Имеется в виду многонациональный город-государство Янина, находившийся на территории современной Греции. В 1788 году его пашой провозглашается некто Алис (Али-паша). Он расширяет территорию своих владений до Салоник. В 1821-м начинается греческое восстание, и город осаждают. В 1822 году Али-паша погибает от руки палача. Действие романа происходит в 1815–1838 годах, а действие тех глав, где граф Монте-Кристо пребывает в Париже, – в 1830-х.

чатлениями очевидца:

По утрам просыпаются птицы,
Выбегают в поле газели,
И выходит из шатра европеец,
Размахивая длинным бичом.

Он садится под тенью пальмы,
Обвернув лицо зеленой вуалью,
Ставит рядом с собой бутылку виски
И хлещет лентящихся рабов.

Мы должны чистить его вещи,
Мы должны стеречь его мулов,
А вечером есть солонину,
Которая испортилась днем.

Слава нашему хозяину европейцу,
У него такие дальнобойные ружья,
У него такая острая сабля
И так больно хлещущий бич!

Слава нашему хозяину европейцу,
Он храбр, но он не догадлив,
У него такое нежное тело,
Его сладко будет пронзить ножом!

В «Африканском дневнике» Гумилева находим рассказ о событиях в Хараре (современное написание – Харрар), го-

роде на востоке Абиссинии (Эфиопии), имевших место, видимо, незадолго до его приезда в 1913 году. Некий дедзач Бальча, занявший город со своей армией, обнаружил, что там «целый квартал» «веселых женщин», из-за которых его солдаты ссорились. Тогда Бальча приказал вывести всех этих женщин на площадь и продал с публичного торга как рабынь.

В романе Марка Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» (1889) американец переносится ко двору средневекового английского короля. Главный герой и монарх решаются инкогнито отправиться в путешествие по стране, и в глубинке их по недоразумению продает в рабство местный лорд. Янки рассказывает: «...тут было страшное захолустье, и нас купили так дешево, что мне даже стыдно вспомнить об этом. Король Англии пошел за семь долларов, между тем за короля можно было дать двенадцать долларов, а за меня все пятнадцать». Своей рыночной ценой недоволен и король, о котором янки говорит: «Он так надоел мне, доказывая, что на настоящем рынке за него дали бы никак не меньше двадцати пяти долларов, что было полнейшей нелепицей и ерундой, наглым самомнением. Да я сам столько не стоил! <...> А теперь он так надоел мне своим нытьем, что я был бы счастлив, если бы за него дали сто. Но надежды не было, ибо нас каждый день осматривали всевозможные покупатели и большей частью так отзывались о короле: „Этому болвану и вся цена-то два с половиной доллара, а чванливо-

сти у него на тридцать пять“».

* * *

В 1441 году португальцам Антану Гонсалвишу и Нуну Триштану, отправившимся в плавание по приказу принца Генриха Мореплавателя, удалось достигнуть побережья сегодняшней Мавритании, где команда корабля захватила несколько пленников – местных жителей. Целью первого в истории документированного пленения европейцами людей в Африке было получение сведений о стране и ее населении. Однако скоро в Европе поняли, какую коммерческую и социальную выгоду приносит захват людей для продажи в рабство.

В Португалии появилось множество пленных мавров, но цена на них не падала: рабский труд приобретал все большую роль в экономике страны.

До прихода португальцев из Африки везли золото, слоновую кость, черепашины панцири и ткани, а работорговля составляла незначительную часть товарооборота между Африкой и Европой. С приходом португальцев ее доля возросла. Португальцы разрушили монополию мусульманских государств Северной Африки, которые многие века держали работорговлю в своих руках.

Вскоре вожди берберов дали понять португальцам, что легче покупать рабов, нежели захватывать в бою. Когда евро-

пейские купцы примерно в 1475 году начали торговать с империей Бенин, находившейся близ нынешнего нигерийского побережья, они обнаружили, что там тоже можно покупать пленников.

Мало-помалу для африканских вождей торговля людьми стала вынужденной. Они должны были получать европейские товары, в частности огнестрельное оружие, чтобы брать верх в схватках с врагами. Если африканцы не соглашались доставлять рабов или мешкали, европейские корабли снимались с якоря и уходили в другие места. На первых порах работорговцам приходилось долго идти вдоль побережья, покупая по несколько рабов то там, то здесь, но со временем в некоторых районах были созданы запасы товара.

В пункты сбора рабов превратились европейские форпосты на Золотом Берегу (северное побережье Гвинейского залива). Также собственные помещения для содержания рабов, практически тюрьмы, стали возводить местные вожди. Как только приходил европейский корабль, рабов выводили, корабельный хирург или лекарь их осматривал, годных отводили в сторону и клеймили раскаленным железом, чтобы торговая компания могла легко найти свой товар, а африканские торговцы не подменили его после осмотра.

С расширением торговли африканские вожди научились извлекать из нее прибыль, введя систему налогов и дани. Например, один король разрешал торговлю, только если ему вручали подарки стоимостью в 50 рабов, сыну короля при

этом выдавали стоимость двух рабов за право заправить судной водой.

* * *

В XVI веке ни Франция, ни Англия, ни Голландия не проявляли особого интереса к рабам. Первые английские и французские экспедиции отправлялись к берегам Гвинеи за золотом, слоновой костью и перцем. В 1623 году английский капитан Джобсон заявил торговцу на побережье Африки, который привел рабов на продажу: «Мы не торгуем таким товаром и вообще не покупаем и не продаем один другого или себе подобных».

Во Франции, в отличие от Англии, торговля рабами была запрещена и законом. Королевский указ 1571 года гласил: «Франция, родина свободы, не допускает рабства». Уложение 1607 года подтверждало эту норму: «Как только раб достигает наших границ и принимает крещение, он становится свободным». (Скорее всего, чтобы закрепить свой статус свободного человека, крестился и мусульманин Отелло.)

В 1492 году Христофор Колумб открыл Вест-Индию (острова Карибского моря), еще через восемь лет португальцы достигли побережья Бразилии. К тому времени работорговцы доставили в Европу несколько десятков тысяч рабов. Но по мере освоения новых территорий работорговля приняла иные масштабы. Сначала рабы переправлялись из Западной

Африки в испанские владения в Карибском море и Бразилию, основным перевалочным пунктом служила Куба. Позднее спрос на рабов предъявили новые поселенцы из Европы, обосновавшиеся в Вест-Индии и Северной Америке. К 1640 году рост поселений потребовал расширения работорговли.

Рост работорговли связан с расширением плантаций сахарного тростника (сахар в Европе был редкостью) и табака. Сахарный тростник и табак были очень трудоемкими культурами. Кроме того, рабский труд расходовался расточительно. Основными покупателями рабов стали Франция и Англия. Производить сахар-сырец оказалось гораздо выгоднее на французских островах, нежели на английских. В 1670 году королевский указ разрешил заниматься работорговлей каждому французу, который этого пожелает, потому что «ничто так не поможет росту колоний... как труд негров». В 1670-е Франция построила сахароперерабатывающие заводы и импортировала из Вест-Индии столько сахара-сырца, что стала главным поставщиком сахара в Европе.

На поставку рабов заключались и государственные контракты. Например, в начале XVIII века их поставками в испанские колонии занималась франко-гвинейская компания. В 1713 году асьенто (право) на торговлю рабами с испанскими колониями приобрела Англия, которая должна была за 30 лет поставить 144 тыс. рабов. Груз облагался пошлиной. Прибыль делили поровну английская и испанская короны.

За 400 лет, с XV века до конца XIX, португальские, испан-

ские, английские, французские, голландские, немецкие, датские, шведские, бразильские и американские торговцы вывезли из Африки, по разным оценкам, от 15 до 50 млн человек. Основной период работорговли с Африкой приходится на 1550–1850-е годы.

* * *

Даниель Дефо во «Всеобщей истории грабежей и смертоубийств, учиненных самыми знаменитыми пиратами» (1724) подробно перечисляет, какая добыча доставалась пиратам на захваченных кораблях. Чаще всего это были рабы. Вот разбойники, пишет Дефо, захватывают «большое французское невольничье судно из Гвинеи, направлявшееся на Мартинику», на другом судне их добыча – «сорок негров и куча золотого песка, не считая мануфактуры и галантерейных товаров», на третьем – «слуги и рабы, роскошные наряды и драгоценности, золотые и серебряные сосуды, большая сумма денег». Один из героев, пират Бартоломью Роджерс, так воодушевлен, что решает сам заняться работорговлей: собирается купить на Мадагаскаре рабов, а потом продать их голландцам в Батавии (Джакарте) или Новой Голландии (Австралии).

В одной из новелл пираты собираются сбыть захваченных рабов, но на подходе к берегу их обнаруживают местные власти, корабль преследуют – не из-за груза, а потому что там

пираты. Сначала капитан решает судно сжечь, а рабов отправить на шлюпках на берег. Но пираты спешат, «а снимать цепи с рабов – тяжкий труд и потеря времени». И корабль поджигают. «Восемьдесят негров, скованных по четверо цепями, должны были выбирать между смертью в огне и смертью в воде».

Невольник – не всегда чернокожий. В «Робинзоне Крузо» (1719) судно с турецкими разбойниками нападает на корабль, на котором отправился в плавание англичанин Робинзон. Большинство членов экипажа убито или ранено. Остальных, включая Робинзона, отвозят в морской порт Салех на побережье Африки, контролируемый мавританским султаном. Робинзон вспоминает, что «других англичан отправили вглубь страны, ко двору жестокого султана, а меня капитан разбойничьего судна удержал при себе и сделал своим рабом, потому что я был молод и проворен». Герою чудом удастся спастись. В следующем путешествии он попадает на необитаемый остров, где находит себе слугу-раба – Пятницу, которого тоже занесли туда превратности судьбы: «Наконец дикарь подошел совсем близко. Он снова упал на колени, поцеловал землю, прижался к ней лбом и, приподняв мою ногу, поставил ее себе на голову. Это должно было, по-видимому, означать, что он клянется быть моим рабом до последнего дня своей жизни».

Когда французский сахар потеснил на рынке английский, англичане поняли, что в их интересах ограничить продажу рабов на французские острова, но это можно было сделать только путем ограничения поставки и на собственные. К началу XIX века экономика Англии уже не опиралась на импорт колониальных товаров – сахара-сырца, хлопка, рома и табака. Первая промышленная революция в Англии привела к индустриализации. Новые промышленники могли обойтись без плантаторов и работорговцев. И в начале XIX века Англия запретила перевозить рабов на своих судах и всячески препятствовала использованию судов других стран для работорговли.

Действие новеллы Проспера Мериме «Таманго» (1829) происходит во времена, «когда запретили торговлю неграми, и тем, кто хотел заниматься ею, пришлось не только обманывать бдительность французского таможенного надзора, что было не так уж трудно, но, кроме того, – и это было опаснее – ускользать от английских крейсеров».

Для торговцев «черным деревом» незаменимым становится капитан Леду. «Наручники и цепи, запас которых обычно имеется на невольничьем судне, всегда были у него новейшей системы и тщательно смазывались для предохранения от ржавчины». Но больше всего прославил его бриг

«Надежда», вмещавший большое число рабов. Леду сконструировал его сам. «...Междупалубные пространства, узкие, со впалыми стенками, были не выше трех футов четырех дюймов... при такой высоте невольники не слишком большого роста могут сидеть достаточно удобно; а вставать... да зачем им вставать? <...> Прислонясь спиной к внутренней обшивке, негры – сидели двумя параллельными рядами, между которыми оставалось свободное место, на всех других невольничьих судах служившее только для прохода. Леду догадался поместить чернокожих и сюда, уложив их перпендикулярно к сидящим». Можно было втиснуть еще нескольких невольников, но «нельзя же забыть о гуманности» – плавание продолжалось несколько недель.

Мериме не преувеличивает. Из воспоминаний некоего англичанина Уолша, плившего в 1829 году из Бразилии на британском фрегате, который задержал в южной части Атлантики невольничье судно: рабы «находились между палубами в зарешеченном трюме. Он был так низок и мал, что людям приходилось сидеть тесными рядами между ног друг у друга, так что ни днем, ни ночью они не могли прилечь или даже изменить позу».

«Надежда» Леду благополучно покидает Нант. Инспекторы, добросовестно осматривавшие бриг, не обнаружили шести больших ящиков, наполненных цепями, наручниками и железными палками, и не удивились огромному запасу пресной воды на борту. Когда парусник достиг западного бере-

га Африки, на борт поднялись торговые агенты. Таманго, «прославленный воин и продавец людей», который пригнал к берегу множество невольников и отдал их по низкой цене, уверенный, что доставит еще, как только эту партию раскупят. В обмен на 160 рабов он получил «дешевые ткани, порох, кремни, три бочки водки и пятьдесят кое-как отремонтированных ружей». Шестеро самых слабых рабов отбракованы. Переводчик выменивает их на картонную табакерку, чтобы отпустить на волю, но большой вопрос, выживут ли они: невольники были захвачены в 200 милях от побережья, и до дома далеко.

Сохранилось множество свидетельств того, почему покупались рабы, ибо цены сделок заносились в судовые журналы. Например, в 1676 году корабль «Сара Бонавентура» приобрел 100 мужчин, женщин и детей за английские и индийские хлопчатобумажные ткани, пять мушкетов, 21 брусок железа, 72 ножа, полбочонка пороху и некоторые другие товары. В журнале английского корабля «Артур», отправившегося в 1677 году в Новый Калабар (современное побережье Нигерии), зафиксировано, что цена составила 36 медных брусков за негра и 30 – за негритянку. Из записей в журнале судна «Альбион» узнаем, что в 1699 году за мужчину-раба было уплачено 13 брусков железа, за женщину – десять и два медных кольца.

В новелле «Таманго» к берегу рабов доставляют так: на шее у каждого рогатка, расходящиеся концы которой соеди-

няются на затылке деревянной перекладной. Когда нужно тронуться в путь, надсмотрщик кладет себе на плечо длинный конец рогатки первого невольника, тот берет рогатку идущего за ним, второй тянет за рогатку третьего... Чтобы передохнуть, предводитель колонны втыкает в землю острый конец ручки своей рогатки, и колонна останавливается. После заключения сделки французские матросы снимают с рабов деревянные рогатки и надевают им железные ошейники и кандалы – «неоспоримое доказательство превосходства европейской цивилизации».

Таманго сам оказывается на корабле, погнавшись за ним в надежде вернуть жену, которую он подарил Леду в сильном подпитии. Красавицу ему не отдают, наоборот, работорговец сам попадает в плен. На корабле поднимается восстание. Выживает один Таманго, его подбирает английский фрегат и доставляет на Ямайку. Спасенный рассказывает властям как на духу, что произошло. «Плантаторы острова требовали, чтобы его повесили, как негра-бунтовщика, но губернатор, человек гуманный... нашел, что его можно оправдать, так как, в сущности, он воспользовался законным правом самозащиты; к тому же те, кого он убил, были ведь всего-навсего французы».

* * *

Генри Лонгфелло в стихотворении «Свидетели» из цикла

«Песни о рабстве» (1842) пронзителен:

Широк простор морской
И там, на дне, в песках,
Белеют под водой
Скелеты в кандалах.
Там, в глубине, плывут
Останки кораблей
И страшный груз несут —
Закованных людей.

«Скелеты в кандалах» действительно могут быть только на затонувших судах. Если раб умирал или заболел, его выбрасывали за борт, чтобы болезнь не перекинулась на весь «груз». Выбрасывали без кандалов. Мертвецу просто отрубали ноги чуть выше щиколоток, чтобы выволить тело из цепи, которая сковывала нескольких рабов.

Смертность при перевозке рабов была очень высокой. Стихотворение «Невольничий корабль» Генриха Гейне (1853–1854) начинается с «калькуляции» барышей от продажи невольников голландского торговца ван Кука, который исходит из 50-процентной выживаемости:

Шестьсот чернокожих задаром я взял
На берегу Сенегала.
У них сухожилия — как толстый канат,
А мышцы — тверже металла.
В уплату пошло дрянное вино,

Стеклярус да сверток сатина.
Тут виды – процентов на восемьсот,
Хотя б умерла половина.
Да если триста штук доживет
До гавани Рио-Жанейро,
По сотне дукатов за каждого мне
Заплатит Гонсалес Перейро.

Но непредвиденные обстоятельства могут свести на нет эти расчеты. К ван Куку заходит корабельный хирург и сообщает, что смертность возросла: умирало по двое в день, а вчера «семеро пали». А экспедиция занимает недель шесть. Хирург проверяет, действительно ли умерли «павшие» или только прикинулись:

Я трупы, конечно, осмотру подверг.
Ведь с этими шельмами горе:
Прикинется мертвым, да так и лежит,
С расчетом, что вышвырнут в море.

Для раба это не шанс на спасение, а надежда на быстрое избавление от мук. Ведь, когда «дохлятину» выкинут в море, на нее, как «мухи на мед», налетят акулы, «целая масса»: их доктор снабжает «пайком из негритянского мяса».

Врач убежден, что свою смерть черные накликали сами, ведь:

От их дыхания в трюме смердит

Хуже, чем в свалочной яме.

Но часть, безусловно, подохла с тоски, —
Им нужен какой-нибудь роздых.
От скуки безделья лучший рецепт —
Музыка, танцы и воздух.

А дальше начинается пляска смерти под аккомпанемент импровизированного оркестра. Рулевой пиликает на скрипке, юнга бьет в барабан, кок играет на трубе, доктор — на флейте. И это не поэтический вымысел. Из-за высокой смертности рабов в экспедициях инвесторы в таких предприятиях несли большие потери. И к концу XVIII века вошло в практику выводить рабов на палубу и заставлять делать упражнения — прямо в кандалах. То же и в «Таманго»: «Моцион необходим для здоровья, поэтому капитан Леду завел полезный обычай: он часто заставлял невольников плясать, подобно тому как перевозимых на борту корабля лошадей во время долгого плавания заставляют топтаться на месте. — Ну-ка, детки мои, попляшите, повеселитесь! — говорил капитан... щелкая длинным бичом. И бедные негры тотчас же принимались прыгать и плясать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.